

Текст статьи опубликован на сайте конференции «Ялта-45/16. Феномен международной дипломатии в истории военных конфликтов».
Адрес ссылки: <http://yalta-45-16.mya5.ru/materialy-dokladov/>

УДК 355.011

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ:
РИСКИ И ВЫЗОВЫ 21 ВЕКА

А.В. Иванов

к.ф.н., доцент кафедры теоретической и социальной философии
Саратовского национального исследовательского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского
email: ivanowaw@gmail.com

Аннотация. Публикация посвящена критике теории справедливой войны с позиций моральной философии. Анализируются различные аргументы «за» и «против» этой концепции. На основе анализа различных теоретических позиций утверждается, что в настоящее время происходит сближение этой теории с реалистической концепцией, что становится причиной искажения ее понимания. Рассматриваются две группы нормативных принципов: *jus ad bellum*, определяющие основания справедливости вступления в войну; *jus in bello*, характеризующие критерии справедливости во время боевых действий. Подчеркивается, что в процессе развития теории фокус сместился от вопросов справедливости начала войн на анализ этических аспектов ведения боевых действий, а это существенно снижает ценность концепции как средства нормативного ограничения насилия. Делается вывод о том, что теория все еще сохраняет свою ключевую роль в предотвращении наихудших проявлений войны, но практическая реализация принципов сторонниками этой концепции не всегда соответствует ее ключевым постулатам, и для устранения противоречий нормативная модель нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: теория войны, справедливая война, право на войну, право во время войны, этика, международные отношения, гуманитарная интервенция, мир, гибридные конфликты

**JUST WAR THEORY:
RISKS AND CHALLENGES IN THE 21ST CENTURY**

Ivanov A.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Department of Philosophy,

Chair of Theoretical and Social Philosophy

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky

email: ivanowaw@gmail.com

This paper deals with the just war theory and critiques it from ethical perspectives. The analysis focuses on arguments in support of, and against one to provide a solution to a moral dilemma of fighting justly in a war. Considering the most important theoretical arguments, the paper contends that just war theory has been incorporated into the predominating realist paradigm, making it possible to misinterpretation. The traditional just war theory judges wars in two principles, the justice of resorting into war in the first place, *jus ad bellum* and the justice in the conduct of war, *jus in bello*. Most just war theorists claim that these must be independent of each other. Primarily regarding the morality of just war theory has been shifted from *jus ad bellum* to *jus in bello* considerations, seriously weakening its deterrent effects on the reduction of violence. The paper concludes that although just war principles might still be helpful as a framework for limiting the worst excesses of war, current applications do not adequately meet the presumption against war and that a solution could be found in a new model.

Key words: theory of war, the just war, Jus ad Bellum, Jus in Bello, ethics, international politics, humanitarian intervention, peace, hybrid conflicts

Теория справедливой войны (*bellum justum*) относится к числу наиболее обсуждаемых концепций в области международных отношений и прикладной политической этики, формирование которой связано с фундаментальными течениями западноевропейской интеллектуальной традиции на протяжении всех этапов ее развития. Особенную популярность эта теория получила в трудах американских мыслителей XX века (М. Волцер, Н. Фоушен, Б. Оренд и др.), благодаря которым проблема нравственного обоснования применения военной силы была актуализирована на новом уровне [5], [13]. Нередко теория справедливой войны критикуется практически по всем важнейшим аспектам представителями других исследовательских направлений (милитаризма, реалистического направления и пацифизма), аргументация которых имеет как слабые, так и сильные стороны. На этот счет имеются достаточно полные исследования, посвященные этой теме [7]. Задачей настоящей статьи является оценка этой теории с точки зрения моральной значимости и этических последствий, а также выявления оснований критики этой теории в условиях военных вызовов глобального мира, такие как «нетринитарные» войны и гуманитарные интервенции, «конфликты низкой интенсивности». Как представляется, для того, чтобы дать справедливую оценку возможностям морального оправдания насилия за пределами самообороны национальных государств, необходимо анализировать не только природу современных конфликтов, но также те теоретические и этические основы, на которых строится теория справедливой войны.

Классическая теория справедливой войны строится на постулировании восьми фундаментальных принципов, охватывающих две основные области концептуализации войны. *jus ad bellum* (*право на войну*) – описывает множество возможных условий, при которых использование военной силы оказывается морально оправданным, а подчас и необходимым. К числу последних относятся принципы правого дела (*causa justa*), легитимной власти (*auctoritas principis*), добрых намерений (*recta intentio*), вероятности успеха, соразмерности и понимания войны как крайнего средства (*ratio ultima*). Различные элементы

данной теории связаны друг с другом, поэтому значение перечисленных принципов невозможно полностью оценить независимо друг от друга. Например, принцип добрых намерений оценивается на фоне принципа правого дела. Намерения являются добрыми, если они способствуют соблюдению принципа правого дела (например, при возвращении поработанному народу его исконной территории). Подобным образом и принцип вероятности успеха, и принцип соразмерности учитывают выгоды и издержки войны [5, с.].

Jus in bello (право на войне) описывает правила и границы дозволенного использования вооруженных сил и средств поражения в процессе ведения боевых действий, например, принцип соразмерности применяемых средств, а также запрет нанесения вреда гражданскому населению (принцип дискриминации и двойного эффекта). С формальной точки зрения, как указывает, Николас Фоушин, теория справедливой войны является перечнем критериев («*check-lists*»), на основе которых принимается решение о том, насколько морально приемлемым является принятие тех или иных стратегических действий и тактических шагов [8, p.28]. Однако пересмотр критериев в процессе развития теории, особенно, что касается принципов *causa justa*, свидетельствует о неполноте и неопределенности декларируемых утверждений. В частности, современными теоретиками в качестве легитимных поводов начала боевых операций рассматриваются следующие случаи: оборонительная война (*bellum defensivum*), помощь союзнику, гуманитарная интервенция, направленная на прекращение гражданской войны или смену агрессивного режима, а также борьба с террористическими угрозами и превентивные операции [4]. Как показала практика, перечень подобных принципов все время расширяется в сторону все более обширного толкования случаев применения военной силы, в то время как список ограничителей практически оставался неизменным.

Таким образом, обе части рассматриваемой теории обладают определенной автономией. Это означает, что действия государства в процессе принятия решения о вступлении в войну и ведения боевых действий могут быть

оценены с позиций принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. В этом случае с позиции этой теории логически возможны три ситуации, когда действия государства справедливы в обоих аспектах (как в отношении *jus ad bellum*, так и *jus in bello*), в каком-то определенном аспекте *jus ad bellum* или *jus in bello*), либо ни в одном из них. Следовательно, можно сделать вывод о том, что неисполнение одной группы критериев справедливой войны не может быть компенсировано за счет исполнения другой группы принципов, следование которым может быть выгодно по политическим или стратегическим соображениям. Таким образом, реализация принципов справедливой войны предполагает следование как правилам *jus ad bellum*, так и постулатам *jus in bello*, от которых не может быть никаких отступлений. Однако в реальности из этой этической декларации всегда существует множество исключений, возникающих на основе субъективных прагматических приоритетов и ограничений, накладываемых на поведение акторов «туманом войны» (К. фон Клаузевиц).

При этом данная теория в первом своем аспекте (*jus ad bellum*) исключает такую ситуацию, когда обе противоборствующие стороны обладают равными по своей нормативной силе основаниями на ведение справедливой войны, поскольку всегда существует «моральная асимметрия» между действиями агрессора и сопротивлением жертвы, между акциями тиранического правительства, совершающего военные преступления против гражданского населения, и активностью тех, кто силой оружия препятствует геноциду, осуществляя вторжение извне. Возникающая дилемма между правами человека и политическим суверенитетом государства, совершающего военные преступления, в конечном счете решается не в пользу последнего, хотя и в этом случае есть исключения. Практика деятельности Совета безопасности ООН знает ряд примеров применения вооруженных сил одного государства против другого в гуманитарных целях, не все из которых были одобрены международным сообществом, несмотря на явную очевидность военных преступлений, совершенных правительствами этих государств. Например,

наиболее часто осуждалось вторжение Индии в Восточный Пакистан в 1971 г., когда вооруженные силы Пакистана участвовали в массовых убийствах местных жителей, в результате которых более миллиона человек погибло и около 10 млн. стали беженцами. Другой гуманитарной интервенцией стало вторжение Вьетнама в Камбоджу в 1978 - 1979 гг., в ходе которого вьетнамские войска под командованием Ван Тиен Зунга перешли на территорию соседнего государства и свергли кровавый режим красных кхмеров, возглавляемый Пол Потом (Салот Саром). В обоих случаях против Индии и Вьетнама выступало международное сообщество и США. Вьетнам в качестве оправдания своего вторжения привел необходимость прекратить массовую резню местного населения, а также своих жителей на приграничных с Кампучией территориях. Резолюция Совета Безопасности ООН, осуждающая вторжение, была заблокирована СССР, в то время как США и другие осудили действия Вьетнама в Камбодже. Несмотря на изгнание в течение многих лет после свержения Пота представители красных кхмеров входили в «коалиционное правительство» страны, которое вплоть до начала 1990-х гг. рассматривалось ООН в качестве законного. Однако если анализировать действия этих стран (агрессоров и жертв агрессии) с позиций теории справедливой войны, то получается, что действия участников этих конфликтов с позиций *jus ad bellum* (право на самооборону, право на гуманитарную интервенцию) не могут быть легитимированы в одном и том же нормативном смысле. Индия и Вьетнам, которые выступали в роли агрессоров, использовали вооруженное вторжение на территорию соседних государств не столько для захвата, сколько для прекращения геноцида и применили такой средств, который был минимально достаточен для установления мира. Однако это не означает, что какое-либо из государств имеет право действовать таким образом, будто оно обладает исключительными полномочиями на вынесение «справедливых решений» и использование интервенций на неконвенциональной основе. Поэтому было бы заблуждением считать эту теорию учением о «священной войне», оправдывающей мессианские устремления мировых держав единолично вершить судьбы мира с

помощью военной силы [14, p.4]. Напротив, идеологически инспирированный дискурс национальной исключительности и однонаправленные военно-гуманитарные акции сами нередко являются свидетельством несоблюдения принципов справедливой войны теми участниками международного процесса, которые его декларируют в качестве обоснования своих действий. Как указывают немецкие исследователи, все эти случаи выявляют главный недостаток теории справедливой войны, который проявляет себя в значительном «потенциале ошибочного толкования» [10, S.13].

Наиболее распространенный аргумент против этих постулатов справедливой войны основан на том, что она является не совсем удачной попыткой объединения в рамках одной теории абсолютных деонтологических и прагматических (консеквенициалистских) критериев, а это, в свою очередь «делает теорию уязвимой со стороны критиков, указывающих на превращение этой доктрины в набор принципов, интерпретации которых могут меняться в зависимости от настроений политиков, которые их используют» [4, с. 75]. И в этом смысле, данная критика является вполне обоснованной, на что указывают наиболее активные сторонники этой теории. В частности, как пишет Ник Фоушин, «теория справедливой войны имеет двухчастную структуру: одна часть связана с процедурами, другая – с ценностями. Что касается первой части, то в ней универсальная природа теории справедливой войны вполне понятна» [5, с. 379]. Таким образом, что касается процедурно-прагматических соображений, у данной теории выявляется тенденция к обладанию универсальным методологическим статусом, который полностью нивелируется отсутствием однозначного ценностного базиса, за исключением понятий гуманизма и прав человека, соблюдение которых во время ведения боевых действий рассматривается в качестве «минимально допустимого» основания (Б. Оренд). Но при этом, как представляется, было бы ошибкой утверждать, что эта концепция переходит за рамки своей естественной функции и подменяет международное право эсхатологическим идеалом глобальной справедливости, что на практике насильственное преобразования мира, религиозную и

моральную нетерпимость, в частности, как об этом пишет Б.Н. Кашников [1]. Поэтому утверждение о том, что справедливая война – это средство установление «глобальной справедливости» под флагами глобальной империи «добра», претендующей на роль единоличного гегемона, выходит за рамки этики и имплицитно использует инструментальное использование теории ограниченной войны для оправдания агрессии и действий, противоречащих принципам государственного суверенитета и международного права, но и не отрицает саму идею ограничения использования «военной силы» как действительно позитивного и рационального основания этой теории.

Поэтому, хотя эта концепция не может претендовать на то, чтобы быть окончательным средством идентификации «справедливости» в международных конфликтах, следует избегать как излишнего пессимизма, так и крайнего оптимизма в ее интерпретации. Роль этой концепции в другом – она является только вспомогательным средством, которая должна обеспечить критическую рефлексию международного права и международных отношений в тех их проблемных аспектах, относительно которых еще не выработано общепринятых принципов и правил. К сожалению, приходится также признать, что случаи конструктивного использования принципов справедливой войны являются скорее редким исключением. На практике наблюдается ровно противоположное – их систематическое несоблюдение со всеми вытекающими последствиями. Например, когда Джордж Буш-старший был представителем республиканской администрации при Президенте Никсоне и послом США в ООН, он осуждал индийскую интервенцию в Восточный Пакистан, отстаивая ту линию внешней политики США, которая была глубоко укорененной в реалистском мировоззрении. Но через 20 лет, став Президентом США, Джордж Буш оправдывал военные действия против Ирака, уже опираясь на теорию справедливой войны [с. 372].

В современных условиях, когда военные столкновения уже не являются «конвенциональными» средствами разрешения конфликтов суверенных государств, а разворачиваются в условиях перманентного противостояния с

глобальным терроризмом, постулат ограниченного применения силы, на котором основана теория справедливой войны, как полагают одни критики, делает «справедливую» войну неэффективной, то есть соблюдение этических норм и правил оказывается непозволительной роскошью. Как пишет Б. Кашников, «в интересах этой бесконечной войны с неопределенным противником могут быть нарушены не только все известные нормы международного права, но и принципы *jus in bello*. Теория справедливой войны в лице большинства своих теоретиков склонна оправдывать пытки, применение дронов, нелегитимное тюремное заключение и направленные убийства без суда и следствия, которые широко применяются для этих целей» [2, С.25].

С другой стороны, как показывает А. Куманьков, важнейшее место в критике теории справедливой войны занимает крайний реалистический аргумент Карла Шмитта «оберегаемой войны», согласно которому использование морали в политике ведет к дегуманизации врага и усилению тотальности конфликта [11, Р. 77]. Как полагает Шмитт, настаивающий на элиминации всех псевдоморальных рассуждений и настаивающий на исключительно реалистическом подходе к войне, должен сделать подход «более гуманным», чем в самой теории «справедливой войны», к которому примыкают более умеренные рассуждения Моргентау о войне как крайнем, но неизбежном средстве разрешений международных конфликтов с помощью вооруженного насилия, которое само по себе не имеет под собой никаких моральных оснований.

В итоге, как представляется, теория справедливой войны оказывается в состоянии глубокого кризиса не только в силу того, что из средства этического ограничения использования военной силы как *ultima ratio* данная концепция трансформировалась в средство оправдания войны как средства построения справедливого «демократического мира», превращая систематическое насилие над странами-изгоями и слабыми государствами в рутинную практику. Другая важнейшая причина кроется в постепенной трансформации феномена войны. Согласно Мартину Ван Кревельду современные конфликты все больше

утрачивают «тринитарный характер», то есть боевые действия уже ведутся не самостоятельными государствами, которые, как утверждал К. фон Клаузевиц, являются формой единства правительства, армии и народа («правительство управляет, солдаты сражаются и умирают, народ платит и страдает»), а единичными субъектами из этой триады, что лишает понятие войны былой определенности. «Нетринитарные виды войн, известные под общим названием “конфликты низкой интенсивности”, уничтожают традиционное разграничение между армией и населением» [3, с. 119]. В этих условиях неизбежно исчезает тонкое разделение между армией (комбатантами), с одной стороны, и населением – с другой, что противоречит одному из краеугольных принципов справедливой войны.

Войны эпохи постмодерна все больше нивелируют и другие условности войн прошлых эпох: различие между войной и миром; государственными военными институтами и частными военными корпорациями; насильственными и насильственными действиями как средствами ведения «гибридных войн»; мирным населением и комбатантами, которые, в зависимости от интересов международного сообщества могут быть квалифицированы весьма различным образом («повстанцы», «революционеры», «террористы», «умеренная оппозиция», «сепаратисты», «ополченцы»). Приходится констатировать, что технология «гибридных войн» постепенно ставит под сомнение и тезис о справедливости оборонительной войны. Подобно тому, как преступник может провоцировать жертву на сопротивление, трактуя ее действия в качестве проявления агрессии, так и государства, используя провокационные стратегии «непрямых действий» как комплекс мер социального, политического, социального, информационного, ненасильственного и даже криминального характера [9], могут создавать для неудобных правительств соответствующие условия, при которых их ответные шаги будут рассматриваться как законный повод для вторжения, а в случае отсутствия конвенционального одобрения вооруженное противостояние с ними будет продолжено в иных форматах «конфликтов низкой интенсивности» – скрытых войн, партизанских войн,

«асимметричных воин» (Дж. Фридманиз), а также так называемых «прокси воин» (proxy war), которые, согласно К. Дойчу, представляет собой «международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, происходящих на территории и с использованием ресурсов третьей страны, под прикрытием разрешения внутреннего конфликта в этой третьей стране» [12, p.13].

Таким образом, современный мир в процессе своей глобализации становится пространством генезиса конфликтов принципиально нового типа, исключающих однозначность трактовки «двухвалетной» ситуации агрессии и защиты от нее (государство А нападает на государство Б, и это дает государству Б право на ответное нападение) [6]. При этом возникающее многообразие многофакторных сценариев и форматов военного противостояния «всех против всех» является свидетельством старой мысли Сунь Цзы о том, что у войны, как и воды нет постоянной формы, поэтому все попытки ограничить представления о ней рамками дедуктивной теории или ограничить ее с помощью системы нормативных принципов рано или поздно ведет к внутренней трансформации этических принципов в прагматическом и даже утилитарном аспекте. Все это свидетельствует о том, что на современном этапе своего развития практика использования теории справедливой войны эволюционирует в направлении реалистического, а не гуманистического толкования ее принципов.

Библиографический список:

1. Кашников Б.Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. –2012. – №11. – С. 22-29.
2. Кашников Б.Н. Теория справедливой войны как война и справедливость глобального мира // Военно-юридический журнал. – 2014.– № 3. – С. 24-32.
3. Кревельд М. Ван Трансформация войны. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 344 с.

4. Куманьков А. Д. Принцип правого дела и «новые» войны // В кн.: Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред.: Б. Н. Кашников, А. Д. Куманьков. Алетейя, 2016. – С. 67-76.
5. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры / Под общей редакцией Бруно Коппитерса, Ника Фоушина, Рубена Апресяна. – М.: Гардарики, 2002. – 407 с.
6. Маффеттоне С. Справедливая война и гуманитарная интервенция [Электронный ресурс] //URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Spravedlivaya-Voina-i-Gumanitarnaya-Interventsiya-17652> (дата обращения 23.07.2015г.)
7. Brough, Michael W., John W. Lango, Harry van der Linden, eds. Rethinking the Just War Traditionю – Albany, NY: SUNY Press, 2007.Fixdal, M., Smith D/ Humanitarian Intervention and Just War. In: Mershon International Studies Review, 1998 (1-2), pp. 283-312.
8. Fotion N.Reactions to War. Pacifism, Realism and Just War Theory. In: Valls, Andrew. Ethics in International Relations. Theories and Cases. Lanham, 2000. – pp. 15-32.
9. Glenn Russell W. Thoughts on “hybrid” conflict // Small Wars Journal, 2 March 2009. [Электронный ресурс] // URL <http://smallwarsjournal.com/mag/docs-temp/188-glenn.pdf> (дата обращения 23.07.2015г.)
10. Hauchler I., Messner D., Nuscheler F. Der Irakkrieg. Zehn Thesen zu einer weltpolitischen Zäsur. Globale Trends 2004/2005. Fakten Analysen Prognosen. – Frankfurt, 2003. – S. 9-27.
11. Kumankov A. Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt’s Criticism of Just War Theory // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4. P. 77-91.
12. Mumford A. Proxy Warfare. John Wiley & Sons, 2013.
13. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. – New York: Basic Books, 2000.
14. Walzer M. A Response (to contributions to a symposium on „Twenty Years of

„Just and Unjust Wars“). In: Ethics and International Affairs. 1997, Volume 11.
– pp. 99-104.